

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	36
Глава 3	59
Глава 4	78
Глава 5	97
Глава 6	126
Глава 7	143
Глава 8	167
Глава 9	183
Глава 10	204
Глава 11	221
Глава 12	241
Глава 13	262
Глава 14	292
Глава 15	318
Эпилог	349
Послесловие автора	361
Предметно-именной указатель	366

ПРОЛОГ

АВГУСТ 1968 Г.

Фрэнку Борману, который пытался пилотировать космический корабль, телефонный вызов был совершенно не к месту. Звонок посреди полета вовсе не то, о чем мечтает астронавт, а уж когда в твоих руках «Аполлон» — любая помеха может стоить слишком дорого. «Аполлон» был прекрасной машиной: такая вместительность, обводы корпуса даже не снились гофрированным капсулам «Меркурия» и «Джемини», на которых летали в космос все предыдущие американцы. Однако «Меркурии» и «Джемини» могли похвастаться безупречной историей пилотируемых полетов — 16 стартов, 16 приводнений и ни одной потери. А вот за «Аполлоном» уже числились жертвы: всего полтора года назад три отличных парня погибли в самом первом корабле, даже не успев оторваться от стартовой площадки.

Так что Борману для полета на проклятом агрегате требовалась максимальная сосредоточенность. И в самую неподходящую минуту — внезапный звонок.

Говоря по правде, в момент телефонного вызова Борман никуда не летел. Никто еще не поднимался на «Аполлоне» в космос: было бы глупостью сделать это, не убедившись в полной его надежности, а этим-то он похвастать

не мог. Пока корабль располагался в цехе компании North American Aviation в Дауни, штат Калифорния, где создавались новые «Аполлоны». И все же Борман сидел в кабине настоящего «Аполлона», пока известного как «Космический корабль № 104», которому вскоре предстояло принять имя «Аполлон-9». И это был его корабль — тот самый, которым Борман будет командовать, если все-таки удастся оторваться от Земли. Тогда его место будет в левом, командирском кресле, и это Бормана совершенно устраивало. Члены экипажа, Джим Ловелл и Билл Андерс, два превосходных парня, разместятся в среднем и правом креслах. Вот и сегодня Ловелл и Андерс были рядом с Борманом и занимались не менее сложной работой, чем он.

Запуск «Аполлона-9» планировался примерно через девять месяцев, так что для Бормана и его команды настала финальная стадия подготовки к старту. Правда, сроки зависели от «Аполлона-7» и «Аполлона-8» — первых двух пилотируемых полетов серии «Аполлон»: в обоих случаях корабли должны были взлететь и затем вернуть экипаж на Землю в целостности и сохранности. Все три полета предполагалось ограничить околоземной орбитой — к немалой досаде Бормана. Шло бурное лето 1968 г., мир истекал кровью от бесчисленных ран: войны, расстрелы, теракты и политические убийства, бунты и волнения от Вашингтона до Праги, Парижа и Юго-Восточной Азии. Советский Союз и Америка вновь, как всегда, мерились силой в горячих точках по всему миру, а американские парни гибли во Вьетнаме — больше тысячи человек каждый месяц.

Полет к Луне — который, по давнему обещанию президента Кеннеди, должен был состояться до 1970 г., — сейчас бы пришелся кстати и стал событием значительным и вдохновляющим. Однако Кеннеди убили пять лет назад, трое астронавтов погибли на «Аполлоне» полтора года назад, и лунная программа в лучшем случае повисла в неизвестности, в худшем — грозила остаться нереализованной. Царило мнение,

что, если американские астронавты и доберутся до Луны, это произойдет через несколько лет.

И все же у Бормана было задание, а у его экипажа — корабль. Сегодня они сидели внутри него, отрабатывая полетные навыки и стараясь как можно ближе познакомиться с машиной. Все «Аполлоны» выглядели одинаково и не различались внутренним устройством, однако космические корабли — они как самолеты. Пилоты чувствуют разницу: по-особому пружинит сиденье, с другим звуком вращается шкала прибора, чуть труднее переключается тугой тумблер. Для астронавта каждый из кораблей был столь же уникален, как любимая бейсбольная перчатка для принимающего мяч бейсболиста, и, прежде чем лететь на космическом корабле, стоило поближе его узнать.

И вот когда Борман с Ловеллом и Андерсом лежали на отведенных для каждого из них креслах в маленькой кабине и осваивались с кораблем, в люке показалась голова техника.

— Полковник, вас к телефону, — обратился он к Борману.

— Может, через вас передадут? — спросил Борман, раздраженный помехой.

— Нет, сэр. Это мистер Слейтон. Сказал, что хочет говорить с вами лично.

Борман тяжело вздохнул. Дик Слейтон был начальником Отдела астронавтов: именно он формировал экипажи и определял, кому когда лететь. Или не лететь: снять тебя с полета в любую минуту — тоже в его власти. Поэтому, когда звонит Слейтон, нужно идти и разговаривать.

Борман выбрался из корабля и поспешил к телефону.

— Что случилось, Дик? — спросил он.

— У меня к тебе серьезный разговор, Фрэнк.

— Тогда говори. У меня тут дел полно.

— Не по телефону. Возвращайся срочно в Хьюстон.

— Дик, — запротестовал Борман, — у меня тут дело в самом разга...

— Мне неинтересно, разгар там или что. Возвращайся в Хьюстон. Сегодня же.

Борман повесил трубку, спешно вернулся в корабль и рассказал Ловеллу и Андерсу о звонке, на все их вопросы лишь пожимая плечами — «ничего не знаю». Затем он вскочил в свой самолет Т-38 и в одиночку полетел в Техас, как было приказано.

Через считанные часы после того, как его выдернули из космического корабля, Борман уже сидел в кабинете Слейтона. Там же, к удивлению Бормана, находился и Крис Крафт — глава Директората летных операций, то есть начальник над Слейтоном и Борманом и вообще начальник над всеми остальными, кроме самых главных руководителей. Однако сегодня он помалкивал и предоставил слово главному астронавту.

— Фрэнк, мы хотим перепланировать твой полет, — без обиняков сказал Слейтон.

— Хорошо, Дик... — начал было Борман.

Не дав ему продолжить, Слейтон поднял руку.

— Это не все. Мы хотим перевести тебя и экипаж с «Аполлона-9» на «Аполлон-8». Возьмешь тот корабль, он ближе к готовности. И полетишь на нем к Луне.

Затем, словно в подтверждение того, что услышанное Борманом ошеломляющее заявление было правдой, он повторил то же другими словами:

— Мы меняем тебе задачу: вместо орбитального полета вокруг Земли орбитальный полет вокруг Луны. — И добавил: — Самая удобная дата для старта — 21 декабря. У тебя будет 16 недель на подготовку. Хочешь лететь?

Борман, пытаясь осмыслить неприкрытую дерзость оглашенного Слейтоном плана, ответил не сразу. Пока он собирался с мыслями, подал голос Крафт:

— Тебе решать, Фрэнк.

Все трое знали, что это — чистая правда и одновременно совершенная неправда. Борман был офицером, выпускником военной академии в Вест-Пойнте и летчиком-истребителем ВВС США. Он никогда не участвовал в настоящей

войне, но космическая программа была гонкой соперничества с СССР и важной частью холодной войны. Боевой приказ — независимо от того, на полях какой войны ведется бой, — не то, от чего можно запросто отказаться.

Насколько понимал Борман, обстоятельства могут позволить не согласиться на опасное задание и твой командир может простить такой отказ, но если ты увиливаешь от боя, то зачем тогда стал военным? А если ты шел в астронавты не для того, чтобы лететь на Луну, когда твой командир, твоя страна и — через много звеньев в цепи руководства — твой президент тебя об этом просят, то, может, стоило выбрать другую профессию? Возможно, «Аполлон» не готов к такой задаче и планирующие полет специалисты, у которых тоже осталось всего 16 недель, могут не очень представлять себе, на что замахнулись. Быть может, в итоге погибнут еще трое астронавтов «Аполлона». Но пилоту всегда приходится учитывать возможность гибели, и нынешний полет не исключение.

— Да, Дик, — ответил Борман. — Я полечу.

— А Ловелл и Андерс? — спросил Слейтон.

— Они тоже, — немедленно ответил Борман.

— Ты уверен?

— Уверен, — ответил Борман и улыбнулся про себя.

Подумать только, с какими лицами встретили бы его Ловелл и Андерс, если бы он вернулся с вестью, что их экипажу предложили слетать на Луну еще до Рождества, а он ответил: «Спасибо, не надо».

* * *

Есть ли обыденный способ сказать жене, что ты летишь на Луну? «Ухожу в море» или «иду на войну» — привычные для мужчины фразы, такое говорили женам в течение многих тысячелетий. Но если ты отправляешься к Луне, то слова для такой новости приходится находить самостоятельно.

Репортеры всегда обожали сюжеты о том, как астронавт приходит домой с захватывающей новостью: его отправляют

в полет! Особенно ценилось, когда астронавт позировал перед фотокамерами вместе с семьей: смелый и мужественный, он сидит с раскрытым на коленях атласом мира и показывает, над какими континентами будет пролетать его корабль, огибающий Землю; по обе стороны от него дети, жена за плечом с улыбкой любителю идилической сценой. А уж насколько эффектнее выглядела бы карта Луны!

В доме Фрэнка Бормана лунных карт не водилось. Когда его известили, что вместо «Аполлона-9» и земной орбиты его ждет «Аполлон-8» и орбита Луны, он пришел домой и сообщил об этом жене. Сьюзен, взглянув на него, ответила: «О'кей». Затем он поделился новостью с сыновьями — 17-летним и 15-летним. Те тоже, взглянув на него, ответили: «О'кей». То же происходило и три года назад, когда Борман отправлялся в свой первый космический полет, и в остальных случаях, когда он шел на опасное задание. Так было и раньше уже много раз и в других домах Хьюстона, когда американские астронавты — независимо от наличия глянцевых фотографий и атласов — готовились лететь в космос.

Однако сейчас случай был незаурядный, ведь никто из прежних астронавтов не летал к Луне — а муж Сьюзен только что получил именно такое задание. Впрочем, незаурядные случаи были здесь не в новинку: за 18 лет совместной жизни Фрэнк и Сьюзен научились находить решения для самых трудных ситуаций. У них даже была готовая формула для серьезного разговора, которая звучала так: «Кастард* в духовке, 175 градусов».

Фрэнк говорил про кастард, когда подавал рапорт о переводе в боевую часть или приступал к опасным испытаниям нового самолета, Сьюзен — когда приходило время подыскивать новый дом или переводить сыновей в новую школу. Привычная формула давала силы обоим. Кастард, символ домаш-

* Заварной крем, который можно запечь, традиционный английский десерт. — *Прим. ред.*

него уюта, означал для них, что дело Сьюзен — заботиться о доме, а дело Фрэнка — летать. И если каждый исполняет свое предназначение, стараясь не мешать другому, то кастард выйдет как надо.

Правда, Сьюзен понимала, что кастарда для нынешнего случая может оказаться недостаточно. Многие годы замужества, проведенные рядом с астронавтом, не прошли даром: она подсознательно чувствовала, что нынешний полет несет в себе особую угрозу — нечто выходящее за уровень обычного риска, к которому люди привыкли. Посадка на Луну для Фрэнка не планировалась: похожий на паука лунный модуль, необходимый для этого этапа лунной программы, даже не был еще полностью собран. Однако орбитальный полет тоже таил в себе немалую опасность.

Главным техническим узлом в «Аполлоне» был двигатель — огромный ревуший мушкетон* в кормовой части; особо суеверные работники НАСА называли его «наш Двигатель» с тем же уважением, с каким говорили бы о президенте или самой Луне, что предполагало чуть ли не сверхъестественные способности. Борман, Ловелл и Андерс называли двигатель короткой, клинически точной аббревиатурой: SPS — Service Propulsion System, «служебная двигательная система». Это название прекрасно отражало суть его предназначения — двигать и служить.

Двигатель, играющий настолько важную роль в полете к Луне, не имел права на отказ. И все же — что будет, если он откажет? Это-то и тревожило всех. Когда ракета, отрывающая корабль от Земли и направляющая его к Луне, исполнит свою работу и отделится, главным источником движения останется SPS. Если вам нужно выйти на орбиту вокруг Луны, двигатель должен запускаться по крайней мере дважды: в первый раз — для замедления корабля, чтобы он сдался притяжению Луны

* Короткоствольное кремневое ружье с воронкообразным стволом. — *Прим. ред.*

и стал ее спутником, а второй раз — в конце запланированного визита, чтобы придать аппарату нужную скорость для ухода с окололунной орбиты и направить его к Земле. Если двигатель не сработает в первый раз, цель полета не будет достигнута, но экипаж сможет выжить: облетев Луну, он вернется на Землю. Если же двигатель не сработает во второй раз, экипаж застрянет на окололунной орбите. Астронавты будут кружить вокруг Луны точно так же, как при орбитальном полете вокруг Земли, бесконечно. Пилоты, запечатанные внутри металлического саркофага, никогда не вернутся домой — но и не разобьются о лунную поверхность. Такой отказ двигателя по сути испортит образ Луны в глазах человечества: никто больше не сможет взглянуть на нее, не вспомнив о трех погибших астронавтах.

Поэтому Сьюзен решила поговорить с директором летных операций. Крис Крафт — жесткий, как наждак, и беспощадно честный — пожалуй, единственный человек, помимо Фрэнка, с которым Сьюзен могла быть сама собой. А поскольку все семьи, живущие вокруг Космического центра в Хьюстоне, тесно между собой общались, то Сьюзен не пришлось долго ждать возможности с ним переговорить. Вскоре после того, как Борман получил задание лететь к Луне, Крафт заглянул к ним вечером, и Сьюзен не замедлила улучшить момент, когда они остались наедине.

— Крис, только давай без обиняков, — начала она. — Скажи честно: как, по-твоему, много ли у них шансов вернуться живыми из полета?

Вопрос был прямее некуда и требовал такого же прямого ответа. Крафт изучающе посмотрел в лицо Сьюзен, не сводившей с него пристального взгляда.

— Тебе действительно важно знать? — спросил он.

— Да, ты же сам понимаешь.

Крафт, конечно же, понимал.

— Ладно, — четко сказал он. — Как насчет 50 на 50?

Сьюзен кивнула. Примерно так она и предполагала.

ГЛАВА 1

СЕРЕДИНА 1961 Г.

Фрэнк Борман не был бесстрашным — хорошие летчики бесстрашными не бывают. Однако почти весь страх выветрился из него в тот день в 1961 г., когда он чуть не погиб в небе над авиабазой Эдвардс в Южной Калифорнии. Погибнуть в полете Борман не планировал — как и никто из тех пилотов, что разбивались здесь в те времена. И все же профессия летчика-испытателя реактивных машин неизбежно предполагала, что время от времени кто-то из пилотов попадает в аварийную ситуацию, рушится с неба вниз и — говоря нарочито небрежным языком летчиков — проделывает дырку в земле.

Борман не хуже прочих знал, чем рискует, но на базу Эдвардс он стремился давно, с самого выпуска из Вест-Пойнта в 1950 г. Как и большинство здешних пилотов, в эту знойную калифорнийскую пустыню он попал не сразу, перед этим судьба его бросала с места на место — Невада, Джорджия, Огайо, Филиппины, и везде с ним рядом была его юная жена Сьюзен. Она согласилась выйти за него замуж прямо после военной академии и заранее знала, что молодому пилоту ВВС предстоит скитаться с места на место, но все же не вполне представляла, насколько хлопотными окажутся эти скитания.

Мечта Бормана попасть на базу Эдвардс стала и мечтой Сьюзен. В 1960 г., подавая рапорт о переводе с Филип-

пин в Калифорнию, Фрэнк отлично знал: конкуренция будет огромная и нет никакой гарантии, что ему удастся пробиться в первые ряды желающих и уж тем более попасть в число отобранных пилотов. Весть о том, что его все-таки переводят в Калифорнию, он встретил с восторгом, однако понимал, что здесь проявлять эмоции не стоит. Полетные задания на базе Эдвардс раздавал Чак Йегер — 37-летний подполковник, сражавшийся во Второй мировой войне как летчик-истребитель. Имя его вызывало в военных летчиках чувство восторга и ужаса примерно в равных пропорциях.

Йегер был знаменит тем, что в 1947 г. на ракетном самолете X-1 фирмы Bell преодолел звуковой барьер, однако известность пришла к нему еще раньше. В 1944 г., во время восьмого боевого вылета, его сбили в небе над Францией, взяли в плен и отправили в лагерь для военнопленных. Через два месяца он бежал, присоединился к своей эскадрилье в Англии и через полгода, совершив подвиг, о котором мечтали многие летчики, стал «асом за один день», сбив пять вражеских самолетов за один-единственный боевой вылет. Его, ветерана, вряд ли могли удивить способностями молодые летчики-виртуозы, которых он собрал на базе Эдвардс.

— Прирожденных летчиков не бывает, — говорил он тем, кто именно таким себя и считал. — Если ты посадил самолет и ушел от него на своих ногах — это отличная посадка. Если самолет на следующий день вновь годен к полету — посадка великолепная. «Будь проще» («Keep it simple»), — повторял он, — и ты, возможно, выживешь».

Борман считал, что способен на большее. За годы, предшествовавшие его появлению на базе Эдвардс, он летал на F-89, T-33, T-6, F-84 и даже на F-104. Летал почти на всех самолетах, до каких мог дотянуться, и любой из них покорялся ему с легкостью.

Едва успев освоиться на базе Эдвардс, Борман как-то утром запрыгнул в F-104, намереваясь попробовать придуманный им маневр — из-за исключительной высоты и особой траектории

он называл его «свечка». Самолет сам по себе был не прост, маневр — тоже, в сочетании они давали гремучую смесь.

F-104 был относительно новой реактивной машиной: первый испытательный полет на нем состоялся всего пятью годами раньше, а обычные полеты на нем разрешили три года назад. Необычайно легкий и высокоскоростной, он имел в длину чуть меньше 17 м и размах крыльев около 6,5 м; помимо корпуса из легчайшего алюминия весь самолет состоял практически лишь из двигателя и кресла для пилота. Крылья располагались так далеко от носа самолета, что сидящий в кабине летчик мог видеть их только в зеркале заднего вида, а кромки крыльев были настолько тонкими — всего 0,4 мм, фактически бритвенные лезвия, — что члены аэродромной команды надевали на них специальные защитные ленты, чтобы случайно не пораниться.

Все эти новшества позволяли самолету на определенной высоте и при подходящем ветре достигать стабильной скорости в 2,2 Маха — то есть скорости, более чем вдвое превышающей скорость звука. Однако его конструкция не давала хорошей маневренности. Сверхзвуковая скорость предполагает широкий радиус разворота, и стремительно мчащийся самолет подобен океанскому лайнеру, который при повороте усиленно кренится на борт, но выходит из крена лишь через несколько миль. Один из пилотов, летавший на F-104 и не слишком задумывающийся о тонкостях маневра, описал тактику управления им так: «Хочешь повернуть — закладывай вираж». В небе над авиабазой Эдвардс такое сходило за юмор, однако в бою с советским МиГом стало бы не до шуток: подобное сражение можно было бы выиграть, сведись оно к погоне по прямой, а вздумай МиГ петлять — дело могло кончиться скверно.

Впрочем, над Калифорнией МиГов не было, а «свечка» Бормана никакого петляния не предполагала: сначала нужно просто подняться на высоту около 12 000 м над пустыней, а дальше включить форсажную камеру, тяга которой вдавит тебя в спинку кресла и забросит самолет на 27 000 м.

Такая высота небезопасна: на ней из-за разреженного воздуха ни форсажная камера, ни сам двигатель уже не работают. Даже если удастся запустить двигатель, это очень рискованно: у F-104 он с воздушным охлаждением, и, когда воздуха мало, запуск двигателя может закончиться взрывом.

Итак, ты на 27-километровой высоте без какого бы то ни было источника тяги. Если забраться выше, то и короткие крылья тоже окажутся бесполезны: здесь не будет даже тех ключевых годной атмосферы, которые еще остаются на 27 000 м. Вместо этого ты направляешь машину по дуге, ныряя вниз, запускаешь двигатель на уровне 21 000 м — и благополучно возвращаешься.

«Свечка» — отличный способ проверить характер и самолета, и летчика. И если у тебя хватит духу попробовать, то удовольствия получишь с лихвой.

Борман совершал такой полет уже несколько раз, и все заканчивалось благополучно. Однако в то утро дело пошло по-иному. Едва он поднял машину до высоты 12 000 м, как двигатель совершил именно то, чего от него никак не ждут: он взорвался. Звук был громкий, самолет ощутимо трянуло, на приборной доске загорелась красная лампочка, означающая пожар, — в подтверждение того, что машине и пилоту грозит смертельная опасность.

По всем инструкциям в такой момент полагалось выключить двигатель — или то, что от него осталось, — и тем снизить вероятность пожара. Кроме того, определенно не рекомендовалось катапультироваться. Да, оставаться в кабине было опасно, однако столкнуться с потоком воздуха при катапультировании на сверхзвуковой скорости — все равно что врезаться в стену здания. Теоретически в таких случаях оставался шанс спланировать на посадочную полосу с выключенным двигателем, однако пытаться планировать с высоты 12 000 м на сверхзвуковой скорости было бессмысленно.

При отсутствии даже отдаленно приемлемых способов спастись Борману оставалось выбрать наименьшую из опасно-

стей и попробовать перезапустить двигатель. Насколько работоспособным окажется наполовину развороченный агрегат, можно только гадать, но было ясно, что его запросто хватит на второй взрыв, от которого самолет разнесет в клочья.

Решившись, Борман включил зажигание. Двигатель чихнул, но заработал. Вновь зажглась красная лампочка, и самолет затрясся с грохотом. Двигателя, однако, хватило на три минуты; за это время внизу успело показаться высохшее дно бывшего озера. В этот миг Борман мог бы катапультироваться — и понимал, что это было бы лучшим выходом, — однако он уже дотянул до этой точки, и теперь было делом принципа дотащить самолет до посадочной полосы в целости, пусть и не в сохранности. Может быть, инженеры сумеют разобрать двигатель и посмотреть, что именно пошло не так.

Борман благополучно посадил дымящуюся машину и, едва колеса остановились, выскочил из кабины и в соответствии с еще одним железным правилом пилотов изо всех сил пустился бежать как можно дальше от самолета. Пожарные машины, уже подтягивающиеся к месту посадки, должны были справиться со всем остальным.

Оказавшись в безопасности и добравшись до командного пункта базы, Борман снял телефонную трубку и — во исполнение их супружеской клятвы — позвонил жене. Сьюзен всегда прекрасно понимала, насколько рискованным делом занят ее муж, и даже видела недавно, как в небе над Эдвардс столкнулись F-89 и T-33. Зная, что Фрэнк мог летать на самолетах любого из этих типов, она тогда побежала к месту катастрофы узнать, не Фрэнк ли был одним из пилотов, однако еще на дальних подступах ее остановил военный патруль и велел возвращаться домой. Домой она не пошла — вместо этого бросилась к соседке, тоже жене офицера, прошедшей через такое же потрясение. Соседка усадила ее у себя, успокоила и объяснила правила, существующие на Эдвардс на такой случай. «Так не делается, — сказала она. — Нужно сидеть и ждать».

В тот раз выяснилось, что ни в одном из столкнувшихся самолетов Фрэнка не было, однако усвоенному в то утро правилу ей не так-то просто было подчиняться. Поэтому она взяла с мужа обещание, что впредь, если что-нибудь случится, Фрэнк ей позвонит сразу же, как только сможет. Сегодня он так и поступил.

— Ты могла услышать об аварии и видеть пожарные машины, — сказал он, как только она взяла трубку. — Это связано со мной, но все кончилось хорошо.

Ответ Сьюзен, уже знакомой с принятыми порядками, был прост: да, она рада слышать такую весть, она всегда верила в его способность благополучно сажать самолеты и счастлива, что все обошлось. Сьюзен не стала вслух добавлять слова, которые в таких случаях обычно приходят на ум женам летчиков-испытателей: «на этот раз».

* * *

Неудержимая любовь к небу настигла Бормана еще в детстве, зато летная карьера чуть не закончилась в молодости. И как раз родные Военно-воздушные силы США и пытались запретить ему летать.

Фрэнк, единственный ребенок Эдвина и Марджори Борман, родился в 1928 г. Ему предстояло расти в городе Гэри штата Индиана, где отец успешно держал автомобильную мастерскую — предмет его гордости в ранние годы Великой депрессии, когда многим семьям приходилось несладко. Однако счастливой жизни в Гэри мешали постоянный холод и высокая влажность, обычная в тех местах. Большинство жителей штата к такой погоде привычны, но Фрэнк ее не переносил. Гайморит, воспаления уха и постоянные простуды не давали ему ходить в школу, и наконец семейный врач предупредил родителей: если мальчика не вывезти в сухой и теплый климат, он может потерять слух навсегда.

Тогда-то семья уехала из Гэри в Аризону и поселилась в городе Тусон. Фрэнк быстро поправился, стал отлично

учиться и увлекся изготовлением действующих моделей самолетов: на смену одним приходили другие, за ними третьи, до бесконечности. В год после окончания Второй мировой войны, в которой авиация играла одну из главных ролей, он, уже старшекласник, решил, что хочет посвятить жизнь полетам на настоящих самолетах. Борман знал, что самый короткий путь попасть к лучшим машинам — поступить в Военную академию в Вест-Пойнте, а затем идти служить в ВВС.

Однако с поступлением в тот год возникли сложности: решение Борман принял слишком поздно и уже не успевал ни подать заявление в Вест-Пойнт, ни получить необходимую рекомендацию от конгрессмена своего округа. Пока он прикидывал, что делать дальше, к нему обратился местный судья, живший по соседству. Его сын, подросток младше Бормана, начал выказывать хулиганские замашки и постоянно норовил ввязаться во что-нибудь незаконное. Судья, ценивший честность и порядочность Бормана, попросил его научить сына какому-нибудь полезному хобби вроде создания моделей самолетов и заинтересовать парня так, чтобы того не тянуло на улицу к друзьям.

— Я попробую, сэр, — бесхитростно ответил Борман.

— Большого я и не прошу, — ответил судья. — Получится — хорошо, не получится — не твоя вина.

В итоге все вышло как нужно: заразиться любовью к полетам в 1946 г. было легче легкого, особенно от такого энтузиаста, как Борман. После школы и в выходные они с сыном судьи проводили бесчисленные часы за строительством моделей самолетов, и непокорный подросток мало-помалу становился дисциплинированнее.

Судья, знавший о желании Бормана поступить в Вест-Пойнт, в благодарность за помощь вызвался лично связаться с местным конгрессменом — опытным политиком Диком Харлесом — и попросить у него рекомендательное письмо. Харлесс согласился, однако никакому конгрессмену не под силу повернуть время вспять: подавать заявление в Вест-Пойнт было

поздно, и лучшая военная академия страны могла предложить Фрэнку лишь третье по очереди запасное место: его зачислят в том случае, если три кандидата, уже принятые в академию, откажутся от поступления. Как ни странно, эта фантастическая вероятность реализовалась: один за другим три потенциальных курсанта решили, что они не созданы для военной жизни. И Фрэнк Борман, к собственному изумлению, в том же году стал бритоголовым первокурсником Вест-Пойнта и в 1950 г. должен был окончить академию.

Как и ожидал Борман, каждая минута в академии доставляла ему радость. Во времена Великой депрессии семья выжила лишь благодаря неиссякаемой работоспособности отца и его преданности делу; Борман, прочно усвоив тот урок, следовал ему в старших классах и теперь в Вест-Пойнте. Ему нравились и напряженные теоретические занятия, и беспощадная дисциплина, и надежное чувство товарищества, скрепляющее тех, кто стоит на самой низшей ступени иерархии.

Даже традиционные издевательства старших курсантов над младшими Борман, в отличие от большинства новобранцев, со временем обратил себе на пользу: вынести их было нелегко, зато они учили самоконтролю и выдержке. За едой — сосредоточенно молчать, держать спину, не опускать глаза; если старшекурсник разворошил аккуратно убранный постель — подчиняться без разговоров и перестилать заново. А кроме того, он постиг один из неписаных законов Вест-Пойнта: бывают случаи — тщательно просчитанные, безошибочно выбранные, — когда выгоднее не подчиняться.

В самом начале первого курса, стоя в строю, Борман наблюдал за идущим вдоль шеренги старшекурсником — известным наглецом, грозой всех новобранцев. Сейчас он оглядывал каждого в строю и особо придирчиво следил, у всех ли ботинки начищены до блеска. Дойдя до Бормана, он остановился.

— Мистер Борман, у вас ботинки не в лучшем виде, — объявил он.

— Да, сэр, — отчеканил Борман, глядя прямо перед собой и, как учили, не встречаясь глазами со старшим.

— А теперь будут еще хуже.

С этими словами старшекурсник с размаху впечатал свой каблук в ботинок Бормана.

Несмотря на волну боли, пронзившей всю поверхность стопы, Борман не шевельнулся. И тихо прошипел:

— Сукин сын. Еще раз так сделаешь — убью.

Повисла тишина: не проронил ни слова ни старшекурсник, ни стоящие рядом новобранцы, которые из опасения не показывали виду, будто слышали слова Бормана. Неподчинение старшему могло положить конец военной карьере, даже еще не начавшейся, и это все знали. Старшекурсник, застыв на месте, молча пожирал глазами Бормана, затем повернулся и двинулся дальше вдоль строя. Рискованная выходка Бормана окупилась с лихвой; насколько он потом понял, у его учителя уже сложилась репутация обидчика, злоупотребляющего придирками к новичкам, и очередной рапорт об инциденте принес бы больше вреда старшекурснику, чем Борману.

В военной академии Борман легко одолевал любые науки, не покорялся ему лишь спорт, а именно американский футбол, который в Вест-Пойнте считался чуть ли не единственным уважаемым видом спорта. Характера Борману хватало, но рост 170 см и вес 70 кг — этого для американского футбола слишком мало: легкость хороша для пилота, а для нападающего форварда она не годится. И все же Борман вступил в команду: в единственной роли, на которую его согласились принять, — администратора, что по сути означало кладовщика, пусть и с некоторыми организационно-распорядительными обязанностями.

Несмотря ни на что, в новой должности он чувствовал себя превосходно. До некоторой степени помогало то, что общаться приходилось с людьми вроде Эрла Блейка — живой легенды студенческого футбола в США — и молодого тренера нападающих по имени Винс Ломбарди. Оба были гении тактики,

но при этом Блейк обычно сохранял строгость и холодность, а Ломбарди то и дело взрывался неконтролируемыми эмоциями. Борман, хоть и схожий нравом с Блейком, не мог не восхищаться и веселым безумием, исходившим от Ломбарди. Впрочем, больше всего ему нравились простые, но важные дела, составлявшие его работу администратора. Даже не выходя на игровое поле, он способствовал процветанию команды, внося в ее жизнь необходимый порядок, без которого рухнуло бы все остальное.

В конце концов юный курсант настолько органично слился с военной жизнью, что через четыре года, к выпуску из Вест-Пойнта, он был восьмым по успеваемости среди 670 одноклассников. Это впечатляющее достижение и стало причиной того, что его распределили в вожделенные ВВС США. После окончания академии он получил назначение на авиабазу Неллис на юге Невады, где ему предстояло осваивать истребитель F-80, а затем — где-то в течение 1951 г. — его ждала отправка на войну в Корею.

Все юношеские мечты в точности сбывались — с одним существенным исключением. В отличие от многих одноклассников, у Бормана за все годы академии практически не было серьезных романов, и ко времени выпуска он был еще не женат. И виноват в этом был только он сам.

Еще в старших классах школы Борман влюбился в светловолосую девушку по имени Сьюзен Багби. Поначалу он робел, но, когда осмелился подойти к ней, она тоже выказала интерес, и вскоре он уже не сомневался, что именно ее хочет видеть своей женой. Любовные дела ему были в новинку, зато не в новинку было здравомыслие: если любишь девушку, а она любит тебя, то зачем искать кого-то еще? Когда Борман уезжал в Вест-Пойнт, они с Сьюзен договорились — без всяких формальных обязательств, — что поженятся после академии. Однако на первом курсе Борман полностью ушел в себя — или по меньшей мере ушел в учебу и почти монашескую жизнь, которая считалась подходящей для курсанта, —

и прекратил отношения с Сьюзен. С его точки зрения, времени в Вест-Пойнте хватало либо на занятия, либо на любовь, но никак не на то и другое вместе.

О таком решении он пожалел почти сразу же, и до конца академии очень тосковал по Сьюзен. На последнем курсе Борман написал ей в Пенсильванский университет, где она училась на стоматолога, и попробовал выяснить перспективы их отношений — ведь выпуск и лейтенантские погоны были уже не за горами. Сьюзен ответила, что он ей по-прежнему небезразличен, но обстоятельства изменились: она встречается с молодым человеком, своим земляком, которому не придется в голову променять ее на заманчивую карьеру.

Борман пал духом, но состязательность и упрямство в сочетании с изрядной долей юношеской заносчивости сделали свое дело: он не счел ответ окончательным. Следующие несколько месяцев Борман продолжал писать Сьюзен, и она — к его удивлению и радости — продолжала ему отвечать. Борман спрашивал ее о семье и учебе, Сьюзен спрашивала о его родителях и о жизни в Вест-Пойнте. Он упомянул — на тот случай, если ей интересно, хотя и понимал, что вряд ли, — что он ни с кем всерьез не встречался за все годы академии. Она ответила «хорошо», но напомнила, что не может сказать о себе того же.

А через некоторое время — «на всякий случай, вдруг тебе интересно» — она написала, что у нее опять изменились обстоятельства: похоже, что она была влюблена в того молодого человека гораздо меньше, чем ей раньше казалось, и теперь отношения с ним прекращены. Борман в ответ немедленно написал, что очень-очень счастлив это слышать. Заодно он сообщил, что перед отправкой на базу Неллис ненадолго заедет домой в Тусон, и предложил вместе поужинать. Сьюзен согласилась.

Борман выбрал укромный, но изысканный ресторан в 25 км от города: итальянская кухня, бассейн, танцевальная музыка — и все это посреди пустыни: сюда предпочитали ездить

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru